

Абдель Кадер

Я, Абдалла

16+

Абдель Кадер

Я, Абдалла

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кадер А.

Я, Абдалла / А. Кадер — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Самые страшные слова в жизни любого мусульманина – салят уль жаноза. Страшнее всего, когда ее читают над близким человеком. Каждую секунду в мире погибает мусульманин, в подавляющем большинстве случаев от рук своего единоверца. Люди, казалось бы, обреченные жить в мире и согласии, стреляют, взрывают, режут своих и чужих. Дети берутся за оружие, женщины надевают пояса смертниц. Целые города лежат в разрушении, миллионы вынуждены скитаться по миру в поисках лучшей доли. Из учения Добра и Света в глазах всего мира Ислам превращается в синоним Страха и Ужаса. С каждым выстрелом, с каждым осколком взорванной бомбы, с каждым занесенным ножом, с каждой слезой девочки рабыни в мире меркнет частичка Света, дарованного нам через лучшего из людей, Пророка Мухаммада, (с.а.в.) Поэтому, перефразируя высказывание Джона Донна, и уподобляясь моему любимому писателю Эрнесту Хэмингуэю, я хочу попросить, - не спрашивай по ком звучит жаноза, её читают по тебе..

© Кадер А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Абдель Кадер Я, Абдалла

- Ты уже две недели как не был дома, Мэри скоро забудет, как ты выглядишь
- Да, любимая, я знаю, эта поездка в Айдахо меня вымотала, но скоро я буду дома, и Мариям снова увидит страшную рожу своего папашки.
- Лицо, а не рожи, и она Мария, а не Мариям, совсем запутаешь ребенка.
- Для меня она всегда будет любимой девочкой Мариям. До встречи, мне осталось несколько сотен миль.

Идрис, человек 36 лет, выходец из Средней Азии, ехал домой на рабочем Спринтере из Айдахо в Северную Каролину. Позади была крайне утомительная поездка из Чикаго в трехклятый Айдахо с грузом, задержавшая его на три лишних дня. Сломанный генератор – то, с чем ты никак не хочешь иметь дело в длительной поездке. Половину Вайоминга и до точки назначения в Твин Фаллс в Айдахо он проехал на четырех новых аккумуляторах, купленных в Валмарте. Ему было очень совестно покупать батареи, точно зная, что он их использует, перезарядит и вернет, но другого выхода не было. Остаток Вайоминга он проехал ранним утром с выключенными фарами, прицепившись сзади к большому траку. Было немного страшно менять севший аккумулятор в темноте посреди заповедника на трассе, особенно страшно было выйти из машины, чтобы выставить светоотражающие знаки позади себя. Он все думал, с какой стороны к нему подберется медведь или что еще может быть страшное в степи Вайоминга. Потом были длинные три дня, пока ему меняли генератор, искали груз в сторону дома, хотя он был готов на все, что угодно, лишь выбраться из этой глуши. Наконец ему повезло, диспетчер нашел груз всего в 5 милях от него до Вирджинии, совсем недалеко от дома. На следующий день к 12 часам он уже проехал Юту, когда ему наконец дозвонилась жена, обиженная его долгим отсутствием.

Он очень скучал по Лизе и дочери в дальних поездках, но они собирались покупать дом, свой первый дом, и нужен был солидный первый взнос в банк. Лиза уже несколько лет работала медсестрой в крупном госпитале, непрерывный рабочий стаж был и у Дриса, как все привыкли его называть, с кредитными историями проблем не было у обоих. А вот с первым взносом было туговато, ведь как все знают, 20 процентов – это то, что ты хочешь принести в банк, чтобы точно получить ссуду на дом под хороший процент. Вот и пришлось главе семейства поменять неплохо оплачиваемую работу с вычетами налогов, страховкой и прочими бенефитами на кресло-седло водителя с высокой, но сдельной оплатой, с ночевкой и душем на трак-стопах, простоями в ожидании груза и прочими прелестями кочевой жизни.

Скоро, еще месяца три-четыре, – думал он, несясь на привычных 5 выше лимита по трассе, – заработаю достаточно, и снова здравствуй, нормальная работа, и прощай, удел новичков.

– Нам еще надо заехать к моим родителям на обратной дороге, что вы там копаетесь? – Лиза кричала спускающимся отцу с дочкой, стоя внизу апартаментов у машины.

– Мы все успеем, родная, не кипятись, Мэри захотела одеть туфли, а не кеды сегодня, вот мы и искали, а потом надевали другую обувь, – Дрис был так рад быть дома, что даже вид ворчащей жены его только радовал.

– Ах, да, я и забыла, кеды ей уже жмут, нам точно надо заехать в Ист Молл, у меня купон на скидку 15 процентов в местный обувной, купим ей и летнюю пару заодно.

– Конечно, родная, давай прямо сейчас это и сделаем, ведь нам по пути, а трафик в субботу намного легче, чем в будние дни, так что успеем прямо вовремя, – Дрис был только рад купить обновки дочери, ведь он знал, что несмотря на юный возраст в четыре года, его Мэри

была уже модницей. Любимым их местом шоппинга был Ист Молл, небольшой торговый центр в несольких милях от их дома. Им нравились магазины, что были в нем, кофейня с отличной выпечкой, обширная парковка, где всегда можно было найти место. Но этим субботним утром, несмотря на ранний час, машин было уже много, скидочные купоны, разосланные по округе, сделали свое дело, и молодой семье пришлось покружить, чтобы припарковаться.

– Кеды, кеды, кеды... Скечерсы, как всегда или Картерс посмотрим на этот раз? – Дрис всегда полагался на жену в вопросах покупки чего-бы то ни было, а уж детской одежды и подавно.

– Посмотрим, что у них есть шестого размера, выберем, спешить ведь некуда, – ответила жена, спуская дочку на пол, Мэри, как и любая девочка, несмотря на юный возраст, очень любила бегать среди полок в магазинах одежды.

Они провели почти полчаса, примеряя время от времени понравившуюся обувь, и даже выбрали кеды, очень красивые, яркие со светящейся подошвой. Дело оставалось за летними сланцами, погода стояла очень теплая, Лиза была уверена, что вода в бассейне дома ее родителей уже нагрелась, а Мэри так любила веселиться в воде. Наконец, мама с дочкой нашли понравившуюся им пару, даже на клиренсе, с еще большей скидкой, и довольная, немного подуставшая от шоппинга семья встала в очередь на кассу. Впереди них было всего несколько человек, но кассирши не было на кассе, она ушла перепроверять штрих-код, с которым у сканера были проблемы, поэтому очередь не двигалась. От нечего делать Дрис рассматривал мелочь, раставленную по полкам по дороге на кассу, Лиза копалась в телефоне, а Мэри рисовала палочки и кружочки в учебном блокноте, сидя на тележке для шоппинга.

Кассирша наконец вернулась, очередь оживилась и задвигалась, Дрис полез за кредиткой, чтобы не терять время и....

Сухие резкие звуки автоматных очередей рассекали воздух. Послышался звон битого стекла, это рухнули стеклянные стены, отделявшие магазин от общего холла торгового центра, люди, замершие в первые мгновения в оцепенении, бросились кто куда, стараясь спрятаться за стендами с одеждой. Дрис также опешил в первые секунды, его мозг лихорадочно пытался понять, что происходит, мысли летали как молнии – что это может быть, учения, ограбление, что это???. Даже звуки выстрелов, крики женщин и детей не действовали на него, пока он не услышал громкий визг своей дочери. Выронив карандаш и блокнот, Мэри не отрываясь смотрела на женщину, упавшую у кассы. Женщина лежала на боку, неестественно скрючившись, зажимая обеими руками рану на животе. Лужа крови растекалась по полу, усыпанному битым стеклом, стоны и хриплое дыхание все замедлялись...

Дрис схватил дочку, вскинул на плечо, другой рукой обхватил Лизу и бросился к стендам с одеждой, ища вход в служебные помещения магазина, он видел эту дверь, когда шел по периметру магазина в поисках туалета всего полчаса назад. Дверь с надписью «Только для персонала» была открыта, и молодая семья бросилась внутрь. Они пробежали корридор с кулером, автоматом с шоколадными батончиками и чипсами, миновали большую двойную дверь и оказались на складе. Доки для разгрузки траков с товаром были заперты, дверь аварийного выхода по какой-то причине тоже, у нее бились двое мужчин, пытаясь выломать. В общей сложности на складе было человек двадцать, кто-то лез в единственное окно, пытаясь отодрать решетку, кто-то старался приподнять двери доков, женщины и дети, Дрис увидел троих детей и одного подростка, которые жались по углам, стараясь спрятаться за столами, полками и шкафами. Дети истошно кричали, страх был в воздухе, ужас физически ощущался, забивался в ноздри, забирался под кожу, лишал возможности думать. Дрис видел текущие по лицу жены слезы, чувствовал бьющую ее крупную дрожь, но не это, вид его дочери заставил его придти в себя. Мэри не плакала, не кричала, она будто застыла с широко раскрытыми глазами. Лиза крепко держала дочку, что-то шептала ей на ухо, пытаясь утешить, но Дрис видел, что Мэри не слышит маму, в ее глазах читался запечатленный только что ужас умирающей в агонии женщины, ребен-

нок был потрясен страшной картиной. Огромным усилием воли Дрис заставил себя очнуться, схватив жену и дочь, он потащил их в дальний угол, рывком отодвинул тяжеленный железный шкаф для личных вещей сотрудников и просто запихал в открывшееся пространство Лизу с дочерью.

– Все будет хорошо, мы сейчас выберемся – прошептал он, прижавшись губами к горячему лбу жены, – сидите здесь.

Дрис очень надеялся, что сможет открыть дверь разгрузочного дока, ведь по работе он часто заезжал на разного рода склады, и знал, что системы везде практически одинаковы.

Но добежать до ворот ему не удалось, в склад буквально влетел человек с автоматом, увидел объятых ужасом людей, и с криком –

Всем лежать и не двигаться, – дал очередь по потолку.

Обернувшись к двери, он крикнул что-то на арабском, и в следующую секунду в дверной проём ввалились еще двое, волоча за собой раненого.

Вбежавший первым очевидно был за главного, он указал, куда положить четвертого, и что-то приказал. Двое остальных бросились выполнять поручение, которое, как оказалось заключалось в осмотре помещения и перемещении жавшихся по углам людей в центр склада. Нападавшие постоянно кричали что –то и стреляли по стенам одиночными выстрелами, так что люди подчинялись беспрекословно, сбегаясь на открытое пространство. Дрис присел при первых выстрелах и так и замер у стены, когда к нему подбежал бородатый человек со шрамом на лице и, угрожая пистолетом – пулеметом, пнул в сторону собравшихся людей. Минут через десять в центре склада собралась кучка до смерти напуганных людей, Дрис исподлобья смотрел на Шрама, как он его невольно окрестил про себя, молясь, чтобы его жена и дочка не были обнаружены.

– Всем молчать, никому не двигаться, стреляем без предупреждения – главарь говорил на чистом английском языке, – нам нечего терять, перебьем всех, так что ведите себя правильно, если хотите жить.

Выложите все, что есть в карманах, телефоны и оружие, даже перочинный ножики и зажигалки отдельно, если найду сам, убью не сразу, помучаю от души.

Люди начали выкладывать ключи, бумажники, телефоны, женщины расставались с сумочками и кошельками. Главарь поднял пакет с вещами, валявшийся на полу, выпотрошил его, и бросил перед ближайшим пленником

– Собери все и передай мне,
что тот немедленно и сделал.

Оставив Шрама с товарищем надзирать над людьми, главарь подошел к раненому, опустился на колени, и стал что-то успокаивающе говорить, глядя того по руке.

Это его близкий родственник или друг, – подумал Дрис, – за простого солдата он бы так не переживал. Раненый был в сознании, но было видно, что приходится ему тяжело, он прерывисто дышал и что-то лихорадочно шептал главарю. Дрис так внимательно рассматривал этих двоих, что прозвучавшие как гром рядом выстрелы просто отбросили его к стене.

– В меня стреляли? Я ранен? Умираю? – мысли взрывали мозг, он смотрел на свое тело, руки, ноги, ища раны и кровь, но так и не увидел ни того ни другого, зато он увидел Шрама с пистолетом в вытянутой руке недалеко от себя.

Главарь бросился к стрелявшему, быстро и сухо, что-то выкрикивая на ходу. Шрам подошел к уже неподвижному телу одного из пленников, ногой откинул безжизненную руку от груди, наклонился и вытащил из внутреннего кармана куртки убитого маленький телефон.

– Смотри, что было у этой твари, – акцент у него был, но говорил на английском он вполне сносно, и цели своей он достиг, люди его поняли, – кто-то еще хочет умереть?

Клянусь вашими душонками, я готов умереть, но заберу как можно больше ваших жизней с ..

Истошный детский плач вдруг раздался дальнем углу помещения, прервав угрожающую речь убийцы. Грудь Дриса залил ледяной холод, он узнал, он сердцем почувствовал голос своего ребенка, своей Мэри. Шрам с помощником бросились к шкафу, прятанному Лизу с ребенком, они отбросили его и с рычанием схватили мать и дочь. Лиза истошно кричала, пытаясь достать дочь руками, но Шрам утащил ее вперед, бросив на пол перед главарем, через несколько секунд возле матери оказалась и девочка.

– Посмотри на этих крыс, и у нее телефон, мало что она могла передать наружу, – прорычал Шрам.

– Кому ты звонила, что рассказала, отвечай, тварь, – на шее главаря вздулись вены, – не ответишь, и ты и твой крысеныш подохните прямо сейчас...

Лиза обхватила руками дочь, и сидела на полу обернувшись к бандитам вполборота, прикрывая ребенком своим телом –

Я..ничего..ни с кем..мы просто прятались, – голос дрожал, слезы текли по лицу, Дрис видел как жена пыталась сохранить хоть какое-то самообладание, убедить не причинять вреда.

Никому, ничего, говоришь? Да что я тобой говорю, скотина, – главарь достал пистолет из-за пояса.

Не стреляй, не убивай их, пожалуйста, – истошно крикнул Дрис, он не двинулся, зная, что, если бросится к своим, их всех точно убьют, – это моя жена и дочь, мы мусульмане! Брат мой, не убивай их!

Кто здесь еще орет, – главарь резким движением навел оружие на Дриса, – как ты меня назвал, брат??? Ты, живущий среди неверных, кормящий свою семью их грязной пищей – мой брат??

Он что-то отрывисто приказал Шраму, и в следующую секунду, на Дриса обрушился град пинков и ударов, бандит буквально запинал своего пленника в сторону главаря. Дрис лежал на боку скорчившись, прикрывая пах и лицо руками, что помогло ему, потому что теперь за него принялся главный. Он нанес пять или шесть ударов ногами, но Дрис сквозь боль был только рад, тому, что внимание злодеев переключилось на него.

Встань, собака, скажи свое имя, кто ты и откуда, как ты можешь называть себя муслимом?, – главарь презрительно смотрел на старающегося стоять перед ним прямо пленника.

Меня зовут Идрис, я простой водитель, в Америку приехал из Средней Азии, я мусульманин, и я свидетельствую, что нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад Пророк Его.

Прошу тебя, убей меня, оставь мою семью в живых...

– Да тут у нас герой, правоверный... да что ты знаешь об Исламе, кафир? – бандит с размаху ударил Дриса по лицу, – я исполню твою просьбу и отправлю тебя к Всевышнему, а потом и твою семью

Дрис увидел дуло пистолета прямо перед лицом, две мысли ударили его под дых – неужели...это все и, что, хотя бы он не увидит гибель жены и дочки.

Вой полицейских сирен рассек повисшую тишину, звук шел отсюда, он все нарастал и нарастал, приближаясь к складу, визг тормозящих машин, один, два, три, казалось снаружи их берет в кольцо армия. Потом заговорили громкоговорители, можно было разобрать : всем за ограждение, всех гражданских просим покинуть эту площадь, всем в безопасное место. Было ясно, что здание молла берут в оцепление силы охраны правопорядка, что с одной стороны придало сил заложникам в складе обувного магазина, а с другой стороны накрыло их облаком еще большей опасности и тревоги, ведь теперь их мучители точно знали, что капкан захлопнулся, выхода может и не быть, и никто не мог предугадать как они поведут себя в такой ситуации.

Но главарь, как видно, был стреляным воробьем, он ничем не выдал своих чувств или переживаний по поводу угрозы снаружи, он отвернулся от Дриса, из последних сил старающимся стоять прямо перед лицом смерти, и жестом приказал Шраму подойти.

Шрам выслушал короткую инструкцию, хмыкнув, кивнул и быстрым шагом направился к выходу, пригнувшись, выглянул за дверь, и убедившись, что угрозы нет, проскользнул в торговый отдел магазина.

– Мы нанесем удар первыми, не переживайте, они не застанут нас врасплох, все будет по плану... по нашему плану, – на лице бандита играла холодная улыбка, – они не знают, с кем имеют дело.

В дверном проёме появился Шрам, он двигался спиной вперед, волоча за собой что-то очень тяжелое, Дрис услышал хриплое дыхание вперемежку со стонами, и понял, что Шрам притащил раненого человека из торгового зала. На самом деле, это был охранник магазина, на нем была синяя рубашка с нашивками 'Security', Дрис помнил его, всегда улыбочивый и готовый помочь человек у входа. "Whazapp buddy" – приветствовал он входящего, широким жестом будто бы даря все содержимое магазина... Теперь же Крис, так, кажется его звали, лежал на полу в залитой кровью рубашке и стоны становились все тише и тише. Главарь мотнул головой в сторону поднимающейся двери дока разгрузки, и Шрам потащил раненого туда. Пленники с болью смотрели на знакомого им человека, которого потащили и бросили у самой двери как мешок, предчувствуя такой же бесславный и страшный конец.

– Эй, святой! – главный бандит направил дуло на Дриса, – иди сюда, сделаешь мне одолжение... Да, да. ты! Не смотри на меня как тупое животное, и не заставляй меня повторять!

Делать было нечего, что бы ни случилось теперь, главное, Лиза и Мэри были в стороне, поэтому Дрис медленно поднялся с места, одернул одежду, помедлил, пытаясь внутренне собраться и подготовиться. Бросив взгляд на приблизившегося Шрама, он прохромал к главарю, стоящему над раненым Крисом у двери.

– Ты убьешь его! – главарь указал пистолетом на охранника, – и выкинешь наружу, чтобы они видели, ты кричал, что ты правоверный, я ведь не вру? Так помогай единоверцам, убей неверного! Не сделаешь этого – первыми умрут твои жена и дочь, а тебе я лично отрежу твою никчемную голову!

Дрис остолбенел, требование бандита повергло его в шок.

– Убить человека??? Отнять жизнь у невинной, истекающей кровью жертвы??? Как? Кошмарный сон наяву становится все ужасней, мне надо проснуться!!! – мысли метались в голове как осколки снарядов, Дрис перестал понимать, что происходит вокруг.

Страшный удар сбил с ног, главарь с размаху врезал ему рукояткой пистолета по голове, добавив пару пинков уже на земле.

– Я считаю до пяти, или ты делаешь, что я говорю, или я убиваю твою семью! – бандит наклонился над Дрисом, глаза горели яростью, он начал отсчет

– Раз... два...

– Я сделаю это..перестань считать.. – Дрис поднялся на ноги, левую часть лица заливала кровь, льющаяся из раны на голове, шатаясь он пошел в сторону двери дока. Крис еще дышал, но сил стонать уже не было, Дрис старался не смотреть на его лицо, пытаясь собрать волю в кулак. Он стоял над охранником, оперевшись взглядом в дверь, только одна мысль пульсировала в мозгу

–Спасти семью, спасти мою семью....

К затылку прижалось дуло пистолета, это Шрам стоял сзади, во избежании сюрпризов, главарь протянул пистолет

– Или он или твоя семья, помнишь?

Дрис взял оружие, сделал долгий вдох, сейчас я убью человека – механически подумал он, – я стану убийцей...

Вдох...еще один вдох..ему как будто ударили под дых...в голове шумел маятник, отчаявшийся отец навел дуло на Криса, я просто сделаю это, сказал он себе, просто нажму на курок на счет три...раз..дв.

Дверь дока сорвалась с креплений и со всего размаха снесла Дриса и стоящего за ним Шрама с ног, это был удар поезда, летящего на скорости, сознание отключилось мгновенно, как будто кто-то выдернул шнур из розетки, свет погас и воцарилась темнота.

Взрыв потряс все помещение склада, людей засыпало пылью и мелкими фрагментами двери, взрывное устройство спецназа было закреплено на двери дока снаружи, это был небольшой направленный взрыв. Измученные горьким опытом заложники бросились врассыпную от центра склада, ища хоть какое-то укрытие

Главарь тоже лежал на полу, полуоглушенный он пытался приподняться и озирался диким взглядом кругом, видимо в поисках оружия.

Раненый бандит явно был не в силах держать оружие, значит в строю оставался только третий, державший на прицеле пистолета-пулемета заложников. Он не пострадал при взрыве, стремительно как хищник бросившись за опрокинутый тяжелый шкаф-локер для личных вещей сотрудников. Скрывшись за ним, уцелевший открыл одиночную стрельбу в направлении выбитой двери дока, в проем которой в клубах пыли проскользнули несколько фигур в бронежилетах. Отточенными профессиональными движениями бойцы спецназа, а это, конечно же были они, продвинулись в глубь склада, двое открыли шквальный огонь по укрытию последнего уцелевшего бандита, двое других занялись главарем, не жалея приклада тяжелой винтовки один из них просто ломал его, пока напарник крутил руки и защелкивал наручники.

Заложники лежали на полу, молясь и надеясь уцелеть и выжить, ведь свобода была так близко, освобождение от ужаса плена пришло, главное было не попасть под шальную пулю. Третий бандит не собирался сдаваться, шкаф служил ему надежным укрытием, он даже ухитрялся стрелять в ответ подбиравшимся к нему бойцам. В проем проникли еще несколько военных, они начали взяли на себя подавление огня уцелевшего, не давая ему высунуться огнем из автоматических винтовок, пока один из двоих бойцов, приблизившихся к шкафу не заполз сбоку, короткая очередь, и стрельба прекратилась.

Спецназовцы, не спуская пальца с курка начали поднимать и осматривать заложников, людей трясло, бледные, запыленные лица, трясущиеся руки, убедившись в отсутствии оружия, их подталкивали в сторону выхода. Один из бойцов склонился над беременной женщиной, она была в сознании, но видимо последние крохи самообладания покинули ее и ноги не слушались, я не могу встать, – шептала она, – помогите.

Военный бережно приподнял ее, закинул руку себе за шею, – все хорошо, ты молодец, сейчас мы отсюда выберемся, – успокаивающая улыбка осветила его лицо, – вот так, встали, и потихоньку пошли. Один из заложников, крупный пожилой черный мужчина подошел помочь с другой стороны, и вся троица медленно двинулась к выходу.

– Идем к свету, – кто-то даже сумел пошутить после пережитого ужаса.

– Где мой муж, помогите мне найти мужа, – это была Лиза, она схватила военного за рукав, – он был у входа...

– Мы найдем его, мэм, сейчас вам нужно выбираться отсюда с ребенком....

– А где раненый? – вопрос прозвучал как удар гонга, – был ведь еще один...

Взрыв. Раненый бандит вырвал чеку гранаты и руке и оттолкнул тело Криса, погибшего охранника, за которым схоронился у самого входа. Командир группы, помогавший беременной женщине погиб сразу, он был прямо над смертником в момент детонации, черного мужчину отбросило на несколько метров, он лежал без движения. Тело военного послужило щитом для беременной женщины, она опрокинулась на спину, раскинув руки...

Осколочная граната, одно из многих ужасных изобретений человечества для уничтожения себе подобных.... Один из осколков проделал огромную дыру в животе женщины, кровь била ручьем, жизнь покидала дитя и мать, лицо которой застыло в нечеловеческой муке.

– Он пошевелил рукой... да, глаза закрыты, но глазные яблоки двигаются. Он приходит в себя.

– Я дам знать Джеку Коулмену, он просил уведомить его немедленно, доктор Ким.

– Дайте ему немного времени, мы все-таки в госпитале, а он пациент, кем-бы его ни считали.

– Он террорист, доктор Ким, я не хочу и не буду жалеть убийцу.

Идрис лежал на больничной кушетке в медсанчасти закрытой тюрьмы, затерянной в пустыне Аризоны. Очень мало людей в мире знало о существовании этого секретного объекта, предназначенного для содержания преступников, представлявших повышенную угрозу для США. Z1, как это учреждение фигурировало в секретных документах, внешне выглядело как обычный армейский склад – забор с колючей проволокой, три небольших строения, связанных между собой, минимум охраны. Никто никогда бы и не догадался, какая мощная защита от наблюдения и проникновения окружала этот «склад», сколько уровней было в системе раннего обнаружения в радиусе многих километров. Несчетное количество датчиков, радаров, сенсоров, даже собственная система спутникового слежения обеспечивали безопасность тюрьмы, любое, даже самое незначительное движение ветра или мотылька в пустыне кругом было под контролем.

Полжизни бы не пожалел любой работник СМИ за крупицу информации о существовании такого места, но... Можно было бы не удивиться, если бы оказалось, что Президент страны не в курсе существования тюрьмы. Спецслужбы США умеют хранить тайны, высшее руководство и ничтожное количество рядовых сотрудников знало о небольшом секрете в пустыне Аризоны. С начала основания, от силы 15-16 человек, и только топ-уровень, только самая верхушка террора удостоивалась «честь» гостить в Z1.

Объект был полностью автономен, мог выдержать небольшую бомбардировку, обладая запасами воды, продовольствия, генераторами и батареями, глубоким подземным бункером. Небольшой постоянный контингент ни в чем не нуждался, обеспечение было отличным, но это было высокая цена за жизнь полную секретов и тайн.

В одной из палат медсанчасти именно этой тюрьмы медленно приходил в себя после 2 суток без сознания Идрис, – вчерашний водитель, отец семейства, мирный и веселый молодой человек, ныне подозреваемый в терроризме преступник.

Он так и не выпустил из рук пистолет, полученный от главаря, Абу Омара Тикрити, как он позже узнает, известного в определенных кругах как холодный, безжалостный убийца. Стратег, разрабатывающий атаки, сценарист жестоких нападений боевиков в этот раз сам был во главе группы по приказу Высшего совета.

После гибели командира группы, ранения беременной женщины и других людей при самоподрыве последнего бандита, военные ни разу не сомневались, найдя Идриса с оружием в руках недалеко от тела Криса. Его заковали в наручники, погрузили на носилки и в этот же день переправили вместе с Абу Омаром в Z1.

Дверь открылась, и в палату вошли двое мужчин. Один лет пятидесяти, лысый, с кожаной папкой в руках, и второй, помоложе, в очках и с шикарной шевелюрой. Они подошли к кровати, немного постояли, пристально изучая «пациента»

– Меня зовут Джек. Джек Коулмен. Это мой коллега Брайан Бойд. Вас не затруднит представиться?

– Где я? – с трудом прошептал раненый.

– Вы в санчасти тюрьмы K21 в Сан Антонио, Техас. Назовите, пожалуйста свое имя.

– Меня зовут Идрис.... Что я здесь..делаю? Почему я здесь? Где моя семья?

– Вы находитесь в тюрьме, потому что вы террорист, погубивший вместе с поделщиками много людей. Сейчас ваша задача не задавать вопросы, а отвечать на них, рассказать все, что поможет нам узнать все обстоятельства дела. Вы сделаете себе одолжение и облегчите свою

совесть, ведь так?, – голос Джека был мягким и вкрадчивым, губы растянулись в полуулыбке, но во взгляде была сталь.

– Я..я не понимаю вас...я помню нападение, я помню бандитов, стрельбу...но почему я? Я не сделал ничего.. И где моя семья?, – раненому казалось, что он крикнул это на всю палату, на самом же деле это был отчаянный шепот.

– Я понимаю, вы ослаблены, вам нужно немного времени, чтобы прийти в себя. Но времени у нас в обрез, ты понимаешь меня? Времени у нас нет, вы не оставили нам его.

Вы убиваете нас уже здесь, на нашей земле... Мне нужны ответы прямо сейчас, и мне плевать на твое состояние, ты понял меня? Ты террорист, у тебя нет прав, и пока я разговариваю с тобой вежливо, но...если ты хочешь испытать меня, то очень... очень пожалеешь.

Идрис пытался сделать глубокий вдох, грудная клетка будто окаменела, не пуская в легкие воздух, такой нужный, объятый ужасом телу и разуму. Он лежал на больничной койке, даже не зная, что с ним, где жена и дочь, насколько тяжело он пострадал при взрыве, чувствуя только огромную слабость и ноющую боль. И, в довершении всего, перед больничной кушеткой стояли два хмурых человека, утверждающие, что он – Идрис, муж, отец, работяга – террорист, убивший ни чем не повинных людей. Эти двое требовали ответов, но он даже не знал вопросов, которые они могли бы задать.

– Что??? Что они от меня хотят? Почему они думают, что я преступник? И где Лиза и Мэри? Что с ними?, – страх, мало знакомое чувство, как дикий зверь подкрадывался к ослабшей жертве.

– Я не понимаю, почему я здесь, что я сделал? Где моя семья, с ними все в порядке?, – заключенный пытался говорить спокойно, подавляя слабость.

– Ты здесь, потому что ты преступник, член террористической группы, виновной в гибели людей, и все зависит от того, как ты себя сейчас поведешь. Мы зададим вопросы, и если нам понравятся твои ответы, может быть, мы поговорим и обо всем остальном, – лицо лысого оставалось таким же непроницаемым, но глаза горели ненавистью.

– Я пытаюсь донести до вас... Меня зовут Идрис, я водитель бокс-трака, у меня семья, жена и дочка, у меня все в порядке с документами..Почему..почему вы считаете меня преступником? Я ничего плохого не сделал.. Я не помню точно, но.. мы были в магазине в нашем районе, напали бандиты, мы спрятались на складе... Скажите, я вас очень прошу, с моей женой и дочкой все в порядке, они ведь не пострадали?, – голос Идриса сорвался на отчаянный полукрик, измотанный молодой человек уже не мог сдерживаться и говорить спокойно.

– Сначала ты рассказываешь нам все, что знаешь. Все, ты понимаешь? Ты напрягаешь свои тупые мозги, собираешь все силы, и выкладываешь все, что знаешь. И только потом, может быть мы ответим на твои вопросы, – свистящим шепотом произнес лысый, наклонившись к раненому, – мы никуда не уйдем, кнопки стоп здесь нет, мы будем продолжать до бесконечности...или пока не узнаем все о твоём дерьме...

Сознание стало покидать Идриса, ему казалось, что быстрая река пронесется перед глазами, его мутило, напряжение было слишком велико, он провалился в мрак пустоты.

Арестант пришел в себя только на следующий день, даже несмотря на плохое состояние, осознал, что находится не в медицинской палате. Его на самом деле перевели в камеру, крошечное помещение с железной койкой, столом и табуретом, привинченными к полу.

В углу за тонкой стальной перегородкой притаился унитаз с раковиной. В камере постоянно горел свет, но хотя бы царила прохлада, что в условиях пустыни было большим благом. Из одежды на нем были коротенькие шорты и майка из легкорвущегося, похожего на бумагу материала.

– Это чтобы я ненароком не повесился, – несмотря на отчаянное положение вещей, Идрис даже смог пошутить про себя.

Неизвестность, полное непонимание происходящего вокруг изматывало, ощущение засосавшей его черной дыры, отсутствие права даже на слово наполняло душу тревогой. Он никак не мог уснуть, травма от взрыва, чудовищная усталость, тяжелый допрос, которому его подвергли те двое не действовали, было бы таким счастьем провалиться в сон, и забыть, хотя бы на время, весь этот кошмар. Ужас, сковавший грудную клетку не давал нормально вздохнуть, не отпускал из своих холодных лап. Заключенный лежал на койке, устремив пустой взгляд в потолок, он старался собрать те крупинки сил, что остались, подсознание подсказывало, что единственное, что он может, – это перестать, перестать убивать себя тревогой и страхом. Было 8 часов вечера, но Идрис не имел ни малейшего понятия о времени, он не был уверен, какой был день недели. Он так и лежал на кушетке и до сих пор пытался заснуть, взять тайм брейк у реальности.

Два офицера сидели в пустой темной столовой, оба были на ногах уже больше суток, уставшие и предельно измотанные.

– Жаль, что нам достался этот ублюдок... я бы многое отдал за возможность поработать с его боссом. Он бы у меня верещал как свинья...

– Даа..Это было бы неплохо...

– Ничего, мы до него доберемся. Те ребята, что занимаются им...он им не по зубам..Я выжму из него все дерьмо..

– Слушай, Джек, мы пока не поймали ничего и нашего клиента, а ведь он простая пешка, так что нам ничего не светит..

– Ты прав. Сейчас у нас в руках эта вошь, и мы должны собраться и дожать его, – лицо лысого исказила гримаса, глаза горели мрачным огнем, – никто не знает, сколько этих тварей просочилось в страну, они могут уже готовить удар где-то рядом, а мы сидим, сложа руки..только танцуем вокруг этих двух нелюдей... Наши дети в опасности, наши родные, наши семьи..А мы цацкаемся с этими тварями, – почти крикнул Джек, ударив по столу, – счет идет на секунды...

– Джек, я знаю... Я бы с удовольствием поджарил его на медленном огне, а его босса и подавно... Но..ты знаешь указание..как там сказано в этой долбанной секретной директиве, прибегать к исключительным мерам только в крайнем случае...

– Все это херня.. мы взяли их в бою, они приехали убивать, есть жертвы...ничего доказывать не надо. Никто в мире не знает, где они, что еще надо??

– Я сам так думаю, Джек..Кому-то из начальства хочется думать, что мы играем только по правилам, во всяком случае делаем все для этого..Нам дали два дня на танцы с ним. Если эта тварь не расколется, мы вправе включить другой режим..

– За эти два только Бог знает, что может случиться, – пошатываясь от усталости, Джек поднялся из-за стола, – ладно... уже почти утро, твой выход. Я беру перерыв на час, разбуди меня, пожалуйста..

\

Идриса мучала жажда, он не чувствовал голод, не было даже мысли о еде, просто страшно хотелось пить. Обезвоженный организм требовал жидкости, даже сквозь затуманенное сознание ощущалась безумная нехватка воды, сводившая с ума. Так, в полузабытьи, в кошмаре жажды, в ощущении нереальности происходящего вокруг прошла ночь, хотя для арестанта это были лишь долгие часы ужаса под палящим светом лампы на потолке. Два раза, даже не осознавая, что он делает, Идрис поднимался с койки и стучал в дверь, инстинкт самосохранения требовал от него действий, и он пытался привлечь внимание.

Все было напрасно, никто и ничто не пришло ему на помощь. Под утро арестант лежал на койке без сил, травмы, полученные при взрыве, стресс допроса, обезвоживание сделали свое дело. Идрис знал только то, что жив, было ощущение, что он камешек, подвешенный на тонкой нитке в необъятной пустоте, и любой, даже самый слабый порыв ветра может сорвать и унести

его в мрак. И он из-за всех сил цеплялся за то, что было сильнее всего этого ужаса, он думал о своей семье.

Дверь отворилась, и в камеру вошел Брайан, второй офицер, молчавший почти все время при допросе днем ранее. Он остановился перед койкой, долго и пристально рассматривая арестанта.

– Вы, наверное голодны?, – мягким голосом произнес он наконец.

Идрис попытался сглотнуть, но во рту пересохло, и у него ничего не получилось.

– Я..хочу пить – прошептал он с усилием.

– Что, извините, я не расслышал? – Брайан наклонился к лежащему.

– Я хочу..пить – шепот арестанта был еле слышен.

– А, вы хотите пить, конечно, конечно. Что вы предпочитаете – сок, содовую, лимонад? – невозмутимо поинтересовался офицер.

– Дайте воды, пожалуйста – Идрис почти терял сознание.

– Конечно, как я не догадался..дайте мне секунду – Брайан вышел и на самом деле вернулся через мгновение, но теперь в его руках был бумажный стакан с водой.

– Вот, я принес вам воды – Брайан все так же пристально смотрел в глаза Идриса – я помогу вам во всем, вы просто скажите..

Брайан протягивал воду, а арестанту эти мгновения казались вечностью, наконец он схватил стакан и сразу же сделал несколько лихорадочных глотков, живительная влага обдала его прохладой и вернула к жизни. Идрис перевел дух и большим глотком осушил стаканчик.

– Спасибо вам большое – искренне проговорил он немного окрепшим голосом.

– Пожалуйста, я не позволю вам страдать, все мы люди, в конце концов, – Брайан присел на табурет, он так и смотрел на арестаната, терпеливо ожидая, когда тот придет в себя.

– Все это неправильно, вы знаете, – почти доверительным тоном наконец заговорил он – вы не должны находиться здесь вот так, мучаясь от жажды, не зная, что происходит вокруг..

Брайан замолчал, ожидая ответа. У Идриса потеплело на душе, впервые за два дня кто-то заговорил с ним человеческим тоном.

– спасибо большое вам, – Идрис старался, чтобы голос звучал искренне и убедительно, – вы меня спасли, дав воды..но..но.. я никак не могу понять..что от меня хотят. Я не понимаю, что происходит..Никто не говорит о моей семье, что с ними.. Я прошу вас очень... помогите мне, может вы знаете.. мне нужно знать, что они в порядке.

Брайан смотрел все тем же пронзительным взглядом, словно прошупывая потаенные мысли в голове собеседника. Он сдержанно кивнул –

– Я постараюсь помочь, – после паузы добавил, – все зависит от вас.

– Я готов на все..Я, – Идрис мотал головой, – скажите, что я могу сделать..Мне нужно знать о семье..

– Это хорошо. Вы хороший человек, вы беспокоитесь о своей семье, – лицо Брайана исказила гримаса, – и...я помогу вам. Семья – это главное.... семья – это святое. Я обязательно помогу вам. У меня всего одна просьба – вы тоже поможете мне. Я тоже люблю свою семью, как и вы, у меня тоже жена и дочь.. И я беспокоюсь об их безопасности не меньше вашего.. Вы понимаете о чем я, правда?

Идрис сделал усилие и слегка кивнул головой, хотя ему было невдомек, к чему ведет этот разговор, он просто был рад, что хотя бы кто-то с ним говорит, не угрожая и обещая помощь.

– Так вот, то, что произошло, перешло все границы. Мы готовы погибать на войне, мы – вы и я – солдаты, это наша работа. Это игра, в которую мы вынуждены играть...но мы все стараемся играть по правилам.

Идрис замотал головой, он все меньше понимал, о чем говорит офицер.

– Но, когда гибнут наши дети, когда гибнут беременные женщины, прямо здесь на нашей земле, мы не можем оставаться в рамках. Это то, что делает нас другими, и никто нас не осудит.

То, что случилось развязало нам руки, и очень не поздоровится тем, кто стоит у нас на пути, вы мне поверьте. Я убедил своего товарища, что смогу уговорить вас помочь нам, я верю в это, я верю, что вы не дикарь, а разумный человек. Но..у нас всего один день, я признаюсь вам, нам дано всего два дня на разговоры с вами, и один уже прошел... Нам нужна информация, и нужна срочно, прямо сейчас. Мы не допустим гибели людей, не допустим еще одной трагедии на нашей земле.. Я обращаюсь к вашему разуму, к вашей душе, – лицо офицера снова исказила гримаса, – расскажите все, что знаете, и я удержу Джека, вы будете в безопасности, и я помогу вам узнать о вашей семье...

Главный вопрос, который меня интересует на данный момент – продолжил после небольшой паузы Брайан, – есть ли еще группы, подобные вашей на территории страны?

Идрис приподнялся с койки, даже небольшой стаканчик выпитой воды придал сил, он даже смог сесть, свесив ноги на пол.

– Я,– арестант перевел дух, – я..до сих пор не понимаю.. о чем идет речь. Какие группы, о чем вы? Что я сделал такого? За кого меня принимают?

– Вы пособник террористов, вы оказывали помощь группе ближневосточных бандитов, проникнувших на территорию нашей страны, – в голосе офицера звучали стальные нотки, – вас взяли на месте атаки с оружием в руках над рядом с убитым человеком. Экспертиза показала, что именно из вашего оружия был убит крис Эванс, охранник магазина обуви. Вы – мусульманин, как и те звери, вы будете отрицать это?

Идрис был ошеломлен этой беспощадной речью, окатившей его как ледяной дождь. Сердце колотилось, воздух не шел в легкие, он старался вдохнуть глубоко, но тело не слушалось его, осознание ужаса положения, в котором он оказался уничтожало волю.

– Я повторяю вопрос – вы отрицаете, что вы мусульманин?

– Я не..не отрицаю этого, – тихо прошептал Идрис

– Я повторю и то, что вас нашли с оружием в руках месте террористической атаки.

Может хватит морочить мне голову? Ваш единственный шанс – сотрудничество. Вы должны начать отвечать на вопросы.

– Я ... не помню хорошо, что было.. но я точно знаю, что я не преступник, – в отчаянии крикнул Идрис, – я был там с семьей..мы покупали обувь Мэри, моей дочери..

– Я теряю терпение, – прошипел Брайан, его глаза огненными иглами впивались прямо в зрачки допрашиваемого, – мне надоел этот бред.

Идрис не представлял, что думать и говорить, ужас вернулся, маленькая пауза, где с ним говорили человеческим тоном и даже обещали помощь испарилась, как будто ее и не было.

– У меня нет никакой симпатии к вам, – услышал он все тот же стальной голос, –я играл свою роль хорошего полицейского. Я бы с удовольствием перемолол вам кости.. – Брайан замолчал на мгновение, дернул головой и продолжил более спокойным тоном, – Как я вам и говорил, нам дали два дня на разговоры. Сегодня вечером это время заканчивается, и с вами будут обращаться совсем по-другому. В ваших интересах заговорить сейчас. Поймите, когда нам нужны ответы, мы их получаем любым путем. Я уговорил Джека дать мне пообщаться с вами просто потому, что не люблю насилие и верю в человеческий разум...Мой последний совет, не доводите до вечера, и не надейтесь умереть, – на лице офицера появилось некое подобие улыбки, – вам этого не дадут, вы прочувствуете всю боль причиненную вами нашим людям, я вам обещаю.

Крис замолчал, ожидая реакции собеседника.

Идриса мutilo, в животе как будто крутила воронка, он чувствовал, что теряет сознание. Ужас давил его, надежда, появившаяся с началом общения с Брайном угасла, растворилась в воздухе, как будто и не было того живительного стаканчика воды, данным ему офицером, не было почти дружественного тона... Вокруг снова был мрак неизвестности.

– Ваш выбор, – Брайану надоело ждать, направляясь к выходу, он добавил, – желаю вам удачи с Джеком сегодня вечером... Я уверен, что вы повеселитесь на славу..

Прошло немного времени, не больше получаса, и дверь в камеру снова открылась. Обессиленный арестант увидел мужчину, толкавшего перед собой небольшую тележку, и женщину, оба были в медицинских халатах

Идрис приподнялся с койки, опустошенный и ослабленный, он все-таки не собирался сдаваться без боя.

Что..что вы хотите делать? – страх сковал горло, это был не крик, а свистящий шепот.

– Ничего, ничего...мы врачи, мы здесь, чтобы помочь, вам нечего бояться, – мужчина на самом деле больше был похож на доброго семейного доктора, чем на убийцу, – одна капельница, обезвоживание, знаете ли, не шутка, а мы не хотим вас потерять.

Голос врача был уверенным и действовал успокаивающе, Идрис так устал, больше всего ему хотелось закрыть глаза и забыть все, что его окружало...Откинувшись на койку, он прошептал –

– Хорошо...делайте свою работу..

Врачи действовали очень расторопно, через пару минут контейнер с раствором висел над изголовьем кровати, а Идрис даже не заметил как игла капельницы оказалась в вене, женщина оказалась мастером своего дела.

Арестант все же наблюдал за действиями своих то ли спасителей, то ли мучителей, гадая, что же в контейнере, жизнь или смерть. И, когда сквозь полуприкрытые веки он увидел как женщина достала кармана халата небольшой флакон, и, набрав из него жидкость оранжевого цвета в шприц, стала вводить ее в контейнер, Идрис взбунтовался.

–Оставьте меня в покое, что это, что вы хотите мне еще вколоть, – собрав все силы, он потянулся к игле, торчащей в вене. Железной хваткой, так неожиданной для «доброго доктора» мужчина в халате схватил его руки, Идрису почувствовал сильную боль, как будто его запястья сдавили клещами, он не мог и пошевелиться от боли.

Ну вот, так лучше – голос врача стал жестче, – я еще раз повторю, все, что мы делаем – вам на пользу. Раствор восстановит ваши силы, вы почувствуете себя намного лучше.

Врач помолчал и продолжил

– Мы вас обездвижим, чтобы не было никаких больше глупостей с вашей стороны. Лежите и ни о чем не беспокойтесь, это лучшее, что вы можете сделать сейчас...

Жидкость, поступающая в обезвоженный организм делала свое дело, арестанту на самом деле становилось легче, в голове немного прояснилось, горло уже не походило на наждачную бумагу, и, сглотнув, Идрис прошептал

– Будь по вашему...

Он уже не сопротивлялся, когда врачи зафиксировали его на койке широкими ремнями, наподобие стрэпов, какими он пользовался для крепления грузов в своем вэне.

– Я стал просто грузом, – горько усмехнулся про себя Идрис, – что будет дальше...

Выхода не было, помощи, даже сочувствия ждать было не откуда, вокруг была одна неизвестность. Закрыв глаза, арестант решил больше не тратить силы на тревогу и, подавив страх, постараться твердо встретить все, что ожидало его впереди...

В библиотеке царили приятный полумрак и прохлада, полки с книгами действовали успокаивающе, мягкие кресла располагали к общению.

– Мы все-таки врачи, – женщина была уже просто в джинсах и футболке, – ты когда-нибудь задумывался, правильно ли то, мы здесь делаем?

Мужчина помолчал, вытащив из нагрудного кармана небольшую золотую ручку он покрутил ее в ладонях.

– Конечно, я думаю об этом..Я не скажу, что это мешает мне спать, но, определенно, я задумываюсь о том, как я использую свой диплом Стэнфорда.

– И, что.. к каким выводам приводят тебя эти раздумья? Тебе нравится то, чем мы здесь занимаемся?

– Трудно и неправильно делать что-то против своей природы, – мужчина покачал головой, – ты знаешь меня, я люблю порядок во всем, по крайней мере стремлюсь к нему. Поэтому, некоторое время назад я разобрался с этим вопросом, отделив, так сказать для себя зерна от плевел.

– И что... что ты для себя разъяснил, – женщине нужен был конкретный ответ на вопрос, мучающий ее уже очень долгое время.

– Моя фамилия не Менгеле, – мужчина снова медленно покачал головой, – мы с тобой работаем не на нацистов, мы на правильной стороне. Они убийцы, Сьюзан, они объявили нам войну, и мы помогаем защитить нашу страну от террора. Да, мы не обычные врачи, мы не лечим детишек от простуды... но..кто-то должен делать то, что мы здесь делаем. И, послушай, – снова поиграв немного золотой ручкой в ладонях, продолжил доктор, – на самом деле, что мы такого делаем? Вот, к примеру, наш нынешний пациент... Я не знаю, что он сделал. Но я точно знаю, что он здесь, потому что у наших спецслужб есть на то веские причины. И мне этого достаточно, я больше склонен верить нашим парням, чем гадать, виновен он или нет. Он враг, и этим все сказано. И, еще раз, что мы делаем? Колим ему яд, сжигаем сосуды, органы, вызываем некроз?? Нет, напротив, все, что мы делаем – укрепляем организм, вводим тонизирующие препараты, спасаем от обезвоживания, т.е. делаем именно то, что должны делать люди нашей с тобой профессии, лечим и восстанавливаем. И точка. Меня как врача не волнует, что все это делается в том числе, чтобы он находился в сознании как можно дольше и выдержал допрос, не умерев преждевременно. Но..это уже другая часть истории, к которой я не имею никакого отношения.

Сьюзан сидела, молча разглядывая ручку в тонких нервных пальцах коллеги. После долгой паузы она наконец заговорила

– Ты прав. Пусть все горит огнем, ты прав. Не мое собачье дело, что с ним делают потом. Здесь и сейчас я помогаю ему, делаю свое дело, а дальше им занимаются другие. Вот они пусть и думают, – на усталом лице Сьюзан даже появилось некое подобие улыбки.

– Вот и правильно..стресс и переживания здоровья не прибавляют, а мы нужны нашим детям, не забывай... – с лица мужчины тоже ушла туча, он был рад, что им с коллегой казалось удалось справиться с не дающим им обоим покоя вопросом.

Идриса долго везли по еле освещенному корридору, они чувствовал, что каталка идет по уклону, они направлялись вниз, в подвальное помещение. Редкие лампы на потолке не могли соперничать с темнотой, так что вокруг царил мрак, совершенно не придающий оптимизма. Это был трюк, рассчитанный на страх, на подавление воли пленника перед так называемым «интенсивным допросом». Допрашиваемый должен был прочувствовать, что он один в пустоте, и помощи ждать неоткуда. Убивали надежду, самую ничтожную искру, что теплится в каждом, добряке и убийце, веру в чудесное спасение и избавление от мук. Джек и Брайан везли свою жертву молча, не желая тратить время на угрозы и предположения, что с ним будет внизу. Оба были сосредоточены, прошло два дня, результата не было, и им предстояло сделать все, и даже больше для получения так нужной информации. Они так не проронили и слова пока наконец не приблизились к широкой железной двери с правой стороны корридора. Прежде чем открыть тяжелую дверь, Джек оглянулся на Идриса и без тени улыбки спросил

– Ну, что, готов к веселью? Мы готовы.

Пленник молчал, он понимал, что нет смысла говорить, кричать, скулить о пощаде. Он находился в центре ужасного урагана, катастрофы, и все, что он мог сделать – стиснуть зубы и не дать себе потерять рассудок, сохранять самообладание до последнего.

Его ввели в просторную комнату, больше напоминающую зал госпиталя, стены и даже потолок были покрыты кафельной плиткой. На стенах по периметру были установлены какие-то приспособления, аппараты, о предназначении которых можно было только догадываться.

– Вот мы и в комнате чудес, – Джек смотрел на Идриса как на бездушный предмет, – знаешь, здесь часто, почти всегда случаются чудеса, здесь начинают говорить даже немые.

В этой комнате, он, – Джек кивнул на Брайана, – не будет просить тебя заговорить, это ты будешь умолять нас выслушать тебя, а мы подумаем, стоит нам остановиться или подождать еще немного...

Идрис чувствовал себя добычей, над которой склонились два стервятника, беспомощность убивала волю. Как бы он не пытался, не получалось пошевелить ни на миллиметр, никакие крики не могли помочь ему, пленник даже не представлял, что случится в следующую секунду, что приготовили ему его «заботливые друзья».

– Когда ты будешь кричать, чтобы мы остановились, все будет зависеть от того, что ты нам хочешь рассказать, так что не трать наше время на ерунду... Ты получил огромную дозу тонизирующего средства, будешь в сознании все время, а вырубись, мы тебе снова поможем. Мы сделаем так, что ты будешь верещать как свинья, прежде чем сдохнуть, но, если даже мы переусердствуем и ты вдруг нас покинешь, я не расстроюсь, – Джек наклонился к арестанту, – мне только что сказали, что твой босс уже начал петь, да так, что его не могут остановить. Твои показания нам почти и не нужны, хотя, – Джек переглянулся с Брайаном, – может, ты нам расскажешь, что-то новое...

Наслаждайся! – с этим напутствием офицер подкатил койку открытой кабинке в углу помещения.

Идрис глубоко дышал, ему хотелось кричать, разорвать ремни, сковывавшие все тело. Он из-за всех сил старался держать себя в руках. Его будут пытаться, пытаться как в Средневековье, и, самое страшное, он даже не знал почему.

– Выжить, выжить любой ценой, это когда-нибудь кончится, обязательно кончится... пульсировало в его мозгу.

Голову прижали к койке жестким полуобручем так сильно, что арестант не сдержал стога. Теперь он был полностью обездвижен, ему оставили только пальцы. Лицо накрыли тяжелым материалом, похожим на мешковину. Идрис закусил нижнюю губу, чтобы не заорать от страха, пальцы вцепились в твердое покрытие койки, вкус собственной крови немного отрезвил его, он собрал силы и тихо выдохнул.

– Легкий режим или средний для начала, – голос Брайана доносился как-будто издалека.

– Ты обижаешь нашего гостя, он крепкий, давай тяжелый, я уверен, ему понравится, – ответ Джека не заставил себя ждать.

Ледяной поток обрушился на покрытое мешковиной лицо Идриса, вода заливала ноздри, не давая дышать. Пленник стал ловить воздух ртом, но вода хлестала и хлестала, так что Идрис зашелся в кашле. Легкие горели без кислорода, он втягивал в себя воздух вместе с водой, откашливался, захлебывался, и кричал. Он бы отдал все, чтобы повернуть голову в сторону от этого жестокого потока, но полуобруч был как жесткие тиски. В какие-то доли секунды поток ослабевал, и Идрису удавалось с хрипом втянуть в себя немного воздуха, он сильнее вцепился пальцами в койку, и стал ловить эти живительные моменты. Он не мог видеть табло над на стене над койкой, показывающее уже почти пять минут с начала его борьбы за жизнь, для допрашиваемого это была нескончаемая вечность.

– Я, – содрогаясь в приступе кашля, приказал он себе, – не ...умру..

Но моменты затишья стали реже, и арестант стал понемногу терять сознание, он боролся но сил откашливать, вытаскивать, заливавшую горло воду становилось все меньше. Грудная клетка разрывалась без кислорода, пальцы, все еще державшие койку железной хваткой начали разжиматься..

– Вот она...смерть, – мелькнуло в угасающем мозгу, – за что...

– Разочаровал он меня, и семи минут жесткого режима не протянул...Я был уверен, что до десяти точно дотянет.

– Брось, Джек, он вообще может не очнуться, – Брайан был серьезен, – мы не получили и слова от него.

– Пульс есть, он дышит, что тебе еще надо, чтобы он танцевал? Эти твари очень живучие, не переживай, – Джек смотрел на табло над койкой.

Идрис был без сознания, он отключился на шестой минуте, когда поток воды стал почти постоянным, а у него не осталось ни сил ни желания бороться за жизнь. Молодой человек отдался на волю Судьбы и прекратил отчаянно хвататься за короткие моменты передышек. Через несколько секунд датчик сердцебиения на табло забил тревогу. Джек и Брайан, находящиеся в соседней комнате, неторопливо поднялись с глубоких кресел и направились к койке арестанта. На табло бежала строчка, спрашивающая разрешение на начало реанимационных действий, Джек ввел код и нажал на ОК. Механизм под бессознательным арестантом пришел в движение, койка приподнялась, правый край пошел вверх пока Идрис не оказался лежащим, а точнее висящим на удерживающих ремнях боком к земле. Обруч, прижимавший голову к койке ослаб, и лицо Идриса обратилось вниз.

– Простой ларингоспазм, он даже чуть дышит, откашливает воду, будет как новый, – лицо Джека выглядело даже немного расстроенным.

Меньше чем через минуту Идрис на самом деле зашелся в кашле, вода уходила из горла, спазм уменьшался, с хрипом ему удалось сделать несколько вдохов. Тело арестанта изогнулось как струна, его начало тошнить, вода, которой он наглотался, требовала выхода. Все это очень походило на агонию, но Джек и Брайан спокойно наблюдали за происходящим, эта картина была им не в новинку. Через некоторое время Идрис затих, дыхание стало ровнее, в этот раз ему удалось выжить.

– А ты говорил, умрет...У них девять жизней, как сорняки, отравишься сам, но их ничего не возьмет, – Джек посмотрел на часы, – давай перекусим и второй раунд...

Но вернуться к продолжению допроса, вернее к обработке заключенного смог только Джек, и то через два с половиной часа. Брайану начальство поручило заняться аналитикой только что полученных данных повышенной важности, а самого Джека направили на помощь команде, работающей с главарем. Тот давно прошел «водные процедуры», как их любовно называли сотрудники, и вовсю ознакомливался с силой тока. Абу Омар был крепким орешком, не терял сознание, молчал и ничем не выдавал своей боли. Один из новичков команды, впервые присутствующий при «интенсивном допросе» попросил замены, поэтому Джеку на пару часов пришлось оставить свою жертву в покое и заняться более крупным игроком, как он, впрочем, и хотел.

Идрис пришел в себя примерно через час после окончания «процедуры», он так и остался висеть боком к полу, мокрый и дрожащий от холода. Арестант был опустошен, не было ни радости от того, что он жив, ни страха, только осознание опасности, которая никуда не делась, притаившись рядом лишь на какое-то время. Смерть была рядом, он чувствовал ее присутствие, но желания и сил бороться с ней и жить было все меньше и меньше...

– Ну, что, как тебе понравилось?, – Джек вернулся и стоял перед койкой пленника, – ты чуть не отправился к своему Аллаху, видел райские гуши, может, даже с гурией какой пошалил, а?

Идриса мутило, но сознание было ясным, даже немного отстраненным. Он как будто видел себя, комнату, офицера, стоящего перед койкой со стороны. Не было мыслей, эмоций, близость смерти не оставила в нем ничего, кроме кристаллизованного понимания ценности данного момента, этой секунды, которая может стать последней. Арестант молчал, глаза были устремлены в вперед, лицо выражало спокойствие и усталость.

– Эй, ты слышишь меня, – Джек рассердило это безразличие, – я говорю с тобой..

Идрис посмотрел на офицера и снова отвел глаза.

– Ах ты мусульманская тварь, – офицер шипел от ярости, – ты думаешь, это конец? Собрался на небеса? Хрена там я тебе это позволю... Знаешь, что тебя ждет? Водичка была лишь разминкой, теперь очередь за электричеством.. Знаешь, что это, средневековая обезьяна? Знаешь, что будет с твоим телом, когда я пушу через него ток? Ты узнаешь как пахнет твое поджаренное мясо, увидишь как оно дымится, ты будешь как живое полено, – Джек перевел дух, резко дернув головой в сторону, он продолжил более спокойным тоном,

склонившись к своей жертве, – у меня к вам личный счет... Вы, бородатые вонючие твари, вы убийцы и насильники.. Такая же тварь, как ты убила мою жену..Пять лет назад, пять, мать твою, лет назад в Афганистане... Она приехала ко мне на неделю...Мы были так счастливы, не выходили из комнаты в отеле. Она пообещала своим студентам привезти фото какой-то исторической хрени...она так радовалась, я не смог отказать, – по лицу Джека текли слезы, – мы стояли в пробке, и ..она оказалась ближе к той машине..и все..

Офицер замолчал на мгновение, смотря перед собой тяжелым как свинец взглядом.

– Я живу без нее.., если бы не сын, я бы просто перевелся куда погорячее, чтобы со всем этим покончить. Но..мой сын потерял мать, я не оставлю его без отца.. Вы не знаете цену жизни, вы убиваете себя, своих, чужих, всех, кого можно...Вы животные, нет, даже хуже, у животных нет рабов.. Девочки- рабыни.., мерзость...

Ничего, я много работал, и, знаешь, – лицо Джека озарила мрачная улыбка, – приложил руку ко многим операциям, проредившим ваши ряды. Я помог многим твоим братьям отправиться в Рай или куда там еще вы думаете попасть, уж можешь мне поверить...

А теперь я здесь, с тобой. Я буду поджаривать тебя с удовольствием, не люблю запах жареного мяса, ну, ничего, оно того стоит..

Ты будешь умолять, верещать как свинья, ты обосрешься и обмочешь себя... А, когда, наконец сдохнешь, я лично сожгу твои вонючие останки, чтобы твой Аллах не нашел тебя в Судный день...

– Ашхаду ана Ля Илляха иль Аллах ва Ашхаду ана Мухаммад абдуху ва Расулу.., – сорванное в кашле горло не повиновалось, шепот арестанта был еле слышен.

– Вот ты и показал свое лицо, гребанный террорист.. Ты крепкий орешек, молодец... Тем интереснее будет посмотреть на тебя, когда я подключу провода. Что ты мне там пел – водитель, семья, покупал обувь ребенку... Ты убийца, подонок с промытыми насквозь мозгами, вот ты кто. Даа..эти уроды с намотанными тряпками на хитрых головах не дураки, они умеют запудрить мозги таким ублюдкам как ты. Ты знаешь, что они творят, какие мерзкие вещи находят при них при захвате? А такие тупые бараны как ты им верят и идут убивать... У меня для тебя хорошая новость, ты помучаешься и сдохнешь за чей-то лишний доллар на личном счету, жалкая скотина..Собрался в Рай? Ага..Побудешь еще немного на грешной земле со мной, а там хоть куда, – Джек сорвался на яростный сумбур, ему так не терпелось начать второй этап допроса.

Арестант почти ничего не слышал, собрав силы и глубоко вздохнув, он снова зашептал – Аллахума игфирли вали валидайя вали устозия... вал джамил муслимина...

– Подумай лучше о своей душе, кретин, – Джек недобро усмехнулся, – или родители у тебя тоже были убийцами как ты, яблоко от яблони, а? Ну, ничего, давай, молись за кого хочешь, и мы продолжим, может, и Брайан подтянется, что-то задержался мой коллега...

Рация на боку офицера замигала красным, Джек прижал наушник к уху, стараясь не пропустить и слова из сообщения, пришедшего видимо только что. Выслушав, он с улыбкой взглянул на своего подопечного

– Что-то не судьба нам сейчас начать, твой босс верещит на арабском, да так быстро, что никто понять не может, – а я, знаешь ли, разбираю его диалект лучше всех здесь, так что, вызываю, прости. Передам ему привет от тебя, вот обрадуется, может, вместе споете как соловьи..

С этими словами офицер вышел, оставив арестанта готовиться к продолжению «интенсивного допроса» в одиночестве.

Главаря допрашивали в соседнем помещении, полностью идентичном тому, где находился Идрис. Единственное, Абу Омара пытали уже второй день, и сейчас он проходил так называемый второй этап, пытки током «средней тяжести». Допрашиваемый периодически терял сознание, ему кололи препараты, заставляя приходиться в себя. Карусели, как это называлось на местном сленге, продолжались более суток, пара допрашивающих офицеров буквально валилась с ног, литры выпитого кофе уже не помогали. Начальство наконец дало добро на часовой перерыв для одного, и первым ушел Коллин Симмонс, более опытный офицер решил передохнуть пока подопечный был в отключке, рассчитывая вернуться и «разбудить» того. Боб Руис, молодой офицер, всего лишь год назад начавший работу в отделе допросов, остался в расчете уйти позже уже на пару час. Но через несколько минут, как Коллин покинул здание и направился к своему таунхоуму на территории базы, Абу Омар преподнес сюрприз и внезапно пришел в себя. Главарь что-то быстро зашептал на арабском, но Боб, как ни старался не мог разобрать и слова, потому что это был очень редкий диалект племен Северного Ирака. Конечно, все звуки в помещении, а речь особенно, тщательно фиксировались записывающими устройствами, но, учитывая важность и срочность информации, был вызван Джек, один из лучших экспертов по арабскому языку во всем управлении. Так, заговорив, главарь террористов вольно или невольно подарил передышку Идрису, оттянув внимание его учителя на себя.

Джек почти бежал по корридору, отделяющему комнаты допроса, на ходу припоминая насколько это было возможно особенности диалекта, на котором заговорил Абу Омар. Ворвавшись в помещение, он, не теряя и секунды сразу направился к койке, но, к всеобщему разочарованию, шоу было закончено. Арестант снова потерял сознание и лежал, громко глубоко дыша.

– У нас все записано, ты знаешь, если не заговорит в ближайшие минуты, я включу тебе запись, – Боб выглядел расстроенным, ему было совестно за пробел в своих познаниях арабского языка.

– Да, конечно, Бою, – Джек попытался подбодрить молодого коллегу, – если хочешь, иди выпей кофе или что еще, я подежурю здесь.

– Отлично, Джек, я это ценю, мне как раз надо на секунду отлучиться, а Коллин только уехал, – Боб обрадовался предложению Джека, ему совсем не улыбалась перспектива ждать еще целый час.

Машина неслась на огромной скорости, привычной, впрочем, для пустыни Аризоны, где часто устраиваются заезды больше похожих на ракеты, чем на авто гоночных болидов. Но на этот раз дело было совсем не в спорте. Брайан сидел рядом с водителем, не замечая ни скорости, ни пролетающих мимо редких растений за окном. Все его мысли были о секретном докладе, в содержание которого его посвятили всего 40 минут назад. Офицер не сразу поверил тому, что ему говорил вышестоящий чин, боевой полковник, которого они оба с Джеком безмерно уважали и считали беспрекословным авторитетом. Ему показалось, что он бредит, настолько нереально было сказанное, все его существо восстало против, но решение было уже принято на высшем уровне и обсуждению не подлежало. Брайан стиснул зубы, собрав все силы,

он старался взять себя в руки и не потерять самообладание. Это удалось не сразу, пару минут офицер стоял перед командиром, сжимая кулаки и тяжело дыша, но в конце концов медленно выдохнул и сказал:

– Я это могу понять, сэр. Но Джек это не примет, и у нас будут проблемы.

– Поэтому я и вызвал тебя, Брайан. Я слишком ценю Джека, я знаю, через что он прошел, я был там, когда это случилось... Моя просьба, даже приказ – предотвратить то, что может произойти. Я понимаю, насколько тяжело это будет выполнить, но, еще раз, я приказываю это предотвратить. Никто не хочет, чтобы Джек так или иначе пострадал. Выполняйте, офицер!, – с этими словами полковник вышел из комнаты, оставив Брайана наедине с поставленной задачей без права на ошибку.

Машина уже подъезжала к Z1, а Брайан даже не придумал с чего начать разговор, как подготовить товарища к неприятной новости, грозящей вылиться в катастрофу.

– А вот и ты, – Джек был рад видеть друга, я заждался тебя. Как там снаружи, ничего не изменилось?

– Все по прежнему, марсиане запаздывают, иноземное вторжение откладывается, – это была их любимая шутка во время длительных командировок в закрытый объект.

– Ну, вот и славно.. Наш основной клиент давно ждет, жизненные показатели стабильны, свеж как огурчик...Этот вот, – Джек кивнул на прикованного к койке главаря, – в отключке, держался тоже будь здоров..Вот, стоял сейчас думал, будить его или нет. А тут ты..Давай, сдавай свои бумаги, и приступим..

Брайан дернул головой в сторону, он стоял перед холодильником с напитками, решая, взять диетическую или обычную Колу, на самом же деле, просто оттягивая начало разговора.

– Ты хоть чуть отдохнул, пока меня не было, или так и торчишь все время с этими недомками?

– Ты неспроста дергаешь головой, Брайан, за три года, что я тебя знаю, я видел это всего два раза – первый раз, когда умерла твоя бабушка, во второй раз погиб твой одноклассник в Ираке...Я знаю, что у тебя новости, дружище, и бьюсь об заклад, что они хреновые...

Не тяни, говори..

– Все ты замечаешь... Новости на самом деле хреновые, Джек. Они их забирают.

Джек молчал, по профессиональной привычке анализируя услышанное, прежде чем ответить.

– Забирают куда?, – голос был ровным и спокойным, – насколько я знаю, место, где мы находимся, – единственное в своем роде на территории страны, и лучше всего приспособлено к работе с этим контингентом.

– Они забирают их не для дальнейшей работы с ними, Джек...Они, – Брайан долго к этому готовился, но все же замялся, – я слишком уважаю тебя..Полковник, с которым ты работал в Афганистане несколько лет назад велел передать лично тебе... Здесь никто этого не знает, за исключением, может быть директора. Это только для тебя, в твоей лояльности никто не сомневается, и все понимают, что информация останется с тобой. Их будут менять, Джек, – Брайан смотрел на друга глазами человека, не спавшего уже почти сутки, стараясь предугадать реакцию.

Джек сделал пару шагов и опустился на стул у стены.

– Дай мне еще что-нибудь... Меняют на кого?, – в голосе сквозила смертельная усталость.

– Вчера в одной бедной стране, соседней с богатым королевством, наши друзья взяли одного ученого археолога. Этот человек работает там уже несколько лет, и так хорошо изучил местную историю, а, главное, так сдружился с некоторыми влиятельными учеными этой и соседних стран, что, если об этом хоть кто-нибудь узнает, неизбежен очень крупный переполох во всем регионе. Некоторым ученым придется искать себе новые места работы и житель-

ства. Кто-то из них не успеет, молчаливостью люди этой прослойки не отличаются, тебе это известно, слишком уж жизнь хороша, выдадут на раз все научные исследования и изыскания, а это обрушит всю нашу научную теорию об истории региона, которую мы создавали так долго и тщательно. Знаем об этом пока только мы, я сильно на это надеюсь, они сразу вышли на нашего друга из племени за рекой, знаешь о ком я, правда? Он незамедлительно связался с нами.

Не знаю, кто их вывел на нашего ученого...но это был очень сильный, выверенный ход... У нас нет выбора, слишком цена высока...

Джек смотрел перед собой, руки расслаблено лежали на коленях, и ничто не выдавало бурю, раздиравшую его душу внутри. Наконец, он заговорил –

– Я солдат, Брайан, я всего лишь солдат на этой войне. Если генералы решили, что так лучше для нашей страны, значит, так и будет...Моя боль, – только моя проблема.. Они их выпускают, и, может быть, – лицо офицера исказила гримаса, – нужно было бы их пристрелить прямо сейчас.. Не надо напрягаться, Брайан, я могу держать себя в руках, и не сделаю глупостей. Старый лис полковник знает, на что я способен в ярости... Но то было на войне, то был фронт, и правил почти не было. Они вели себя как звери – мы отвечали тем же... Я дома, я не там, мой сын со мной... Я не рискну его будущим ради пары зверей, – Брайану показалось, что Джек старался убедить прежде всего самого себя.

Прошло минут десять, оба офицера молчали.

– Они убивают детей, режут головы, насилуют девочек, творят страшные вещи, и не только с чужими, с такой же легкостью эти твари убивают и своих, – Джек задумчиво смотрел перед собой, – но я хотел тебе рассказать, сейчас только вспомнил... Тот, второй, готовясь умереть молится за родителей... Я ему, лучше о себе думай, дурак, так, в шутку, думал он бредит. А он в ответ- я умру, и некому будет молиться за них...Вот, что ты скажешь, где-то даже уважаешь такое..

Абу Омар дернулся и застонал, но через мгновение снова затих.

–Вот и этот, – Джек кивнул на главаря, – может быть хороший сын или заботливый отец... Но здесь он убил многих людей, в том числе и беременную женщину.. Какая же тьма владеет их разумом, как они оправдывают свои преступления, почему они уверены, что им дано право отнимать жизнь? Я никогда не мог понять этого...

Джек поднялся со стула и посмотрел на друга.

– Я долго расплачивался за Вики, Брайан.. Я отправил многих на тот свет, и если мне не суждено рассчитаться с этими двумя, я переживу это... Да, это тяжело, но я смогу..

Я закончил свою работу, друг, я просто уйду... Вики меня простит. У меня есть наш сын, и я буду жить для него..

Брайану удалось утащить коллегу в тир в подвале, где оба смогли выплеснуть злость и разочарование, стреляя из штурмовых винтовок по мишеням в виде бородатых фигур. Они не увидели как три фургона с логотипами фирмы перевозки грузов из Колорадо заехали на территорию базы. Не слышали они и короткого разговора, решившего судьбу Идриса.

– Он вполне мог говорить правду, – директор Z1 смотрел на собеседника, офицера секретной службы, ответственного за транспортировку арестованных террористов, – он может быть резидентом США, мы допрашиваем его уже три дня, но так и не дождались результатов проверки его документов, в центре все время ссылались на какую-то утерю..

Что, если в его словах есть хоть доля истины?

– Сэр, я не уполномочен решать о чьей – либо виновности, но, насколько я помню, его взяли на месте с оружием в руках над телом человека..

Да, это правда. Но, все-таки, мы отправляем возможного жителя нашей страны на территорию врага.. Уверенности в его виновности нет.

– Дайте мне пять минут на звонок, сэр, – получив разрешение, офицер воспользовался старомодным телефоном на столе директора.

– Вопрос по второму номеру, сэр. Да, это который водитель..да, сэр..Мы его забираем?
Ответ был коротким, и, положив трубку, офицер кивнул директору.

– Он едет с нами, сэр. Мне изначально дали понять, что виновен он или нет, этот господин здесь никому не нужен. Ему не посчастливилось зависнуть посередине между нами и той стороной, и самым разумным будет отправить этот мяч туда, чтобы не болтался здесь, привлекая ненужное внимание..

– Война заставляет принимать решения, на которые мы никогда бы не пошли в другое время, и ничего с этим не сделаешь, – директор поднялся из-за стола, – забирайте их офицер.

Этой же ночью оба пленника были погружены в грузовой самолет ВВС США и, с пересадкой на базе в Центральной Азии, были доставлены на полуостров песка и нефти, на одну из полевых баз недалеко от границы, разделяющей Север и Юг очень бедной страны, раздираемой племенной войной. Идрис не запомнил перелета, его, и так ничего не понимающего в происходящем, как и главаря накачали седативными препаратами, и вся дорога прошла как во сне.

Обмен произошел этой же ночью в заранее оговоренном месте в глубине пустыни. Все произошло быстро и без проблем, не в последнюю очередь, благодаря подошедшему к побережью ракетному крейсеру ВМФ США, находящемуся в этот момент в Заливе на учениях. Командованию флота была передана настоятельная просьба без объяснения причин, и корабль немного поменял дислокацию, о чем незамедлительно были проинформированы все заинтересованные стороны. Покровителям группировки, захватившей ценного сотрудника американских спецслужб, ясно дали понять, любая, самая незначительная задержка или, что хуже, провокация будет рассмотрена как переход красной черты, означающий немедленный необратимый удар. Каждая секунда нахождения захваченного агента в руках грозила огромным ущербом для всей системы, выстроенной за долгие годы, последствия его вольного или невольного сотрудничества с террористами были бы просто катастрофичны для всех представителей местной военной и финансовой элиты, связанных через него с спецслужбами США. Цена была слишком высока, терять было нечего, поэтому, несмотря на историческую склонность власть имущих региона к вольной трактовке заключенных договоров, в этот раз все прошло именно так, как и было оговорено, американская сторона получила своего «ученого» живым и здоровым, отдав взамен двух своих невольных «гостей».

Неприметное серое здание больницы, окруженное живописным садом, выглядело как райский уголок, ничем не выдавая свое расположение в пригороде большого города, полуразрушенного постоянными минометными обстрелами и налетами авиации. Несколько соседних зданий в округе пострадали лишь частично, выбитые стекла в окнах, обвалившаяся черепица, следы огня на стенах выдавали то, что бывший мегаполис, частью которого был район являлся последним оплотом террористических группировок на территории страны. Большая часть города лежала в руинах, обстрелы не прекращались ни на день, хаос и разрушение царили повсюду. Жителям приходилось делать все, чтобы просто выжить в адских условиях между молотом атак коалиции, штурмующей город и наковальной бандитов, из-за всех сил цепляющихся за город, который они считали своим уже давно. Отсутствие воды, еды, крыши над головой, даже элементарной медицинской помощи стало обыденностью для местных жителей, каждый день превратился в бой за выживание.

Но были некоторые районы, меньше, а на самом деле намного меньше пострадавшие от атак внешних сил. Это были так называемые зоны «гуманитарного контроля», предназначенные для скопления и дальнейшей транспортировки мирного населения, преимущественно детей и женщин на уже очищенную от бандитов территорию страны. В мировых новостях часто мелькали сюжеты об успешных эвакуациях пострадавших, даже в сопровождении видеороликов, показывающих счастливых детишек, спасенных из ужаса оплота террора. Однако никто и

никогда не проверял эти кадры счастливого избавления на подлинность, никто не знал достоверно, где, когда и кем они были сняты, были ли эти кадры настоящими свидетельствами спасения либо просто фальсификацией. На самом деле почти все немногочисленные потуги коалиции по выводу невинных жертв войны разбивались об нежелание хозяев города лишиться живого щита, дающего им возможность цепляться за каждую улицу, каждый переулок. Чем больше мирного населения оставалось в осажденном городе, тем громче шум можно было поднять о «бесчеловечности» атак, тем дольше можно было продолжать почти бессмысленное сопротивление, выигрывая время для поиска путей отхода.

Тем временем, зоны гуманитарного контроля работали вовсю, обеспечивая безопасность, но не совсем тем, кто нуждался в ней больше всего. Старики, женщины с маленькими детьми попадали в безопасные районы лишь во время очередных съемок страдающего населения города для придания драматизма кадрам. В остальное время путь в более мирные части города обычным жителям был заказан. В этих оазисах спокойствия располагались самые важные объекты сил, удерживающих город – пункты командования, центры спецсвязи, замаскированные под школы и детские сады. Были и настоящие больницы, полностью оснащенные техникой и отлично снабжаемые всеми необходимыми медикаментами на средства благотворительных организаций. Люди со всего мира, жертвующие на помощь пострадавшим в огне войны обездоленным были бы очень разочарованы, узнав, что на их средства лечатся и восстанавливают силы высокопоставленные боевики и члены их семей. Вся гуманитарная помощь, попадающая в город, от бутылки воды до дорогостоящих антибиотиков, контролировалась и использовалась верхушкой террористической организации, отчаянно борющейся уже не за власть, а за выживание в регионе. Объем поступающей помощи был больше необходимого высшему звену, так что излишки продавались простолюдинам на черном рынке страны, вырученные же деньги шли на поездки и отдых хозяев за границей.

Абу Омар, как человек особо приближенный к лидеру группировки, вернувшийся из вражеского плена, получил доступ ко всем благам системы и встретил день в лучшей палате, расположенной, конечно же, в подвальном отсеке госпиталя, подальше от возможного ракетного обстрела. Он был доставлен сюда сразу же после обмена, лучшие доктора, вызванные по тревоге, осмотрели его и не найдя ничего, угрожающего жизни, порекомендовали покой и сон. Время шло, бывший пленник, следуя совету эскулапов, отдыхал, восстанавливая силы и готовясь к важному разговору с духовным руководителем группировки, к которой он принадлежал. Зайд бин Салам, больше известный как Абу Закария, почтенный старец, обладающий непрекаемым авторитетом среди своих подчиненных должен был почтить его личным визитом. Начавший свой путь еще в борьбе с советскими войсками в Афганистане, после прохождения учебного лагеря в Пакистане в возрасте 22 лет, он являлся живой легендой для всех так называемых борцов за веру. Лишь несколько человек на всем Ближнем Востоке обладали таким влиянием в среде вооруженных бандитов как босс Абу Омара. К его мнению прислушивались все, даже те кукловоды, что дергали за ниточки, играя отрядами фанатиков как пешками на доске в борьбе за самый важный ресурс на Востоке – Власть. Абу Закария был причастен ко всем громким акциям и терактам последних десяти лет, превратившись из обычного полевого командира в идеолога террора. Росту его влияния помогли недюжинный ум и чутье, позволяющие ему незаметно для окружающих наладить контакты с самыми разными сторонами конфликта, тлеющего в регионе. Служащие своему командиру верой и правдой «бойцы за веру» и не подозревали, что их босс крепко связан не только с шейхами и эмирами соседних стран, но и с агентурой маленькой страны уничтожение которой было главной формальной целью всех террористов, а через нее и со спецслужбами других, более могущественных государств. Еще больше удивление вызвал бы факт, что многие, если не все атаки и громкие нападения «во имя Веры» на самом деле были лишь акциями, выполненными по «просьбам» того или иного щедрого заказчика. Умело лавируя между противоборствующими сторонами, святой старец между

делом избавлялся и от конкурентов в деле священной войны, претендующих на роль лидера джихада, без колебаний подставляя противников под удар тех или иных сил. Руководитель террора служил всем и одновременно никому, преследуя только свои личные интересы. Никто, кроме него не знал, с какой целью и выполняя чей заказ, группа Абу Омара была отправлена в США, кто стоял за неудавшейся попыткой громкого теракта на территории самого мощного государства мира. Но самый несведущий дилетант мог бы с уверенностью сказать, что даже такой влиятельный человек как Зайд бин Салам не мог спланировать и быть так близко к осуществлению коварного плана. Могущественные силы стояли за спиной этого преступления, и неудача, постигшая всю операцию, поставила под удар всех, включая самого лидера джихада, подвесив в воздухе вопрос жизни и смерти. Бдительный патрульный, перечеркнувший все усилия террористов решением проверить превысивший скорость минивэн, стал причиной взрывоопасного напряжения на совсем другом конце мира. Заказчики, потратившие много сил и средств, требовали ответа, а Абу Закария еще и усугубил ситуацию, рискнув всем в деле освобождения своего преданного солдата. Никто в здравом рассудке не пошел бы на прямой конфликт с крупнейшим игроком, и лидер джихада действовал на свой страх и риск, понимая, что никогда не получит разрешения на операцию по вызволению Абу Омара. Выход из патовой ситуации искали все, так или иначе причастные к ней, самым легким и привычным решением была, конечно же ликвидация всех исполнителей, но схваченный командир группы был не досягаем в руках спецслужб США. Спонсоры террора затаились в ожидании ответных действий, приняв решение действовать по ситуации, какой ущерб бы она не сулила, и тут главный исполнитель преподнес еще больший сюрприз, пойдя ва-банк, взяв в заложники крупного агента американских спецслужб. Это посеяло настоящую панику среди «хозяев» региона, дело дошло до угрозы полномасштабного конфликта, учитывая подход эсминца к берегу, но, к счастью для всех, и, главное, для мирного, ни о чем не подозревающего населения, все обошлось мирно и без шума. Абу Закария получил своего подопечного, отдав заложника живым и невредимым, а сидящие в центре паутины «пауки» выдохнули с облегчением. Теперь, когда угроза полного уничтожения если не миновала, но ушла немного в тень, перед советниками лидеров террора остро встал вопрос, что делать со своим главным злодеем, как выйти из ситуации, не потеряв лица и по возможности угодив всем влиятельным силам. Первые выводы уже были сделаны, и Абу Закария получил послание, ознакомившись с которым, он понял, в каком направлении ему рекомендовано, и даже приказано двигаться для того, чтобы остаться в живых и, быть может, получить прощение.

С этими мыслями он шел на встречу со своим самым преданным и близким человеком, с командиром своих отрядов в больнице осажденного города.

Дверь открылась, и в палату, быстро осмотрев ее цепким взглядом, вошел молодой человек, вооруженный пистолетом-пулеметом израильского производства. Абу Омар, узнав своего племянника Мусу, ставшего личным телохранителем духовного лидера в его отсутствие, с радостью потянулся к младшему родственнику, чтобы обнять, но тот остановил его жестом руки, коротко кивнув на дверь. Абу Омар вскочил с кровати, поспешно одергивая свое больничное одеяние, приводя внешний вид в порядок. Муса вытянулся в струну и через секунду в палату вошел высокий мужчина лет шестидесяти в просторной черной одежде. Никаких знаков отличий, никаких украшений, облик святого старца был суров и производил сильное впечатление. Орлиный взгляд умных глаз, движения, выдающие недюжинную силу, мягкий, но очень твердый голос поневоле внушали уважение и желание слушать резкие слова Амира аль – муьминин, Эмира правоверных. Абу Омар застыл перед своей койкой, склонив голову и приложив правую руку к груди. Наконец, собравшись силами, бывший пленник произнес приветствия, справившись о здравии своего господина и пожелав ему благословение Аллаха. Не говоря ни слова, старец подошел и обнял своего верного солдата.

– Слава Аллаху, ты вернулся, сын мой!

Абу Омар не мог вымолвить и слова, со слезами на глазах стараясь сдержать захлестнувшие его эмоции от такого теплого приветствия духовного отца.

– Я благодарен Аллаху, что с его помощью и вашими стараниями я здесь и снова могу служить вам и выполнять ваши приказы, Учитель, – он наконец смог заговорить, и, сделав глубокий вдох, продолжил тихим голосом, – мне нет оправданий, я подвел вас, провалив операцию. Что мне сделать, чтобы загладить вину... скажите, это слишком тяжелая ноша...

Прикажите, и я с радостью отправлюсь на смерть на пути Аллаха и восстановлю свою честь...

Легкая улыбка тронула лицо Абу Закарии, он приподнял руку, останавливая эмоциональный порыв своего бойца.

– Ты не подвел меня, Абу Омар, ты мой лучший солдат, и я верю тебе, как никому другому. Может, кроме вот, твоего племянника, – духовный лидер оглянулся на своего телохранителя, склонившего голову при лестных словах господина, – он прирожденный воин, Абу Омар, спасибо тебе, за то, что привел его и обучил, он лучший, после тебя.

Напряженное лицо вернувшегося из плена командира террористов смягчилось, похвала хозяина согрела его сердце, внушив надежду на прощение и возможность искупления вины.

– Ты провел столько времени в руках нечестивых, сын мой, один Аллах ведает, что они делали с тобой... Я знаю, тебе пришлось нелегко, ты всегда был в моих молитвах...

– Спасибо, Учитель, – на глаза Абу Омара снова навернулись слезы, – я благодарен Аллаху за испытания, что Он послал мне на Его пути, и благодарен вам за ваши молитвы и помощь. Только вы с помощью Всевышнего могли вытащить меня из зиндана кафиров.

– Я знаю, что ты держался как настоящий воин Ислама, никто и ничто не может сломить твой дух, Аллах наградил тебя мужеством и отвагой льва. Отдохнул ли ты после долгой дороги домой, сын мой, достаточно ли у тебя сил для разговора?

– Даже, если бы я был при смерти, Учитель, разговор с вами вернул бы меня к жизни, ваши слова придают силы, через вас с нами разговаривает Всевышний... – Абу Омар еще ниже склонился перед своим господином.

– Я такой же человек как и ты, Абу Омар, может быть, более грешный перед Аллахом, – у лидера террора было много лиц, и облик смиренного старца был одним из самых применяемых, – но, я рад, что тебя не утомит беседа, потому что времени у нас не так много, а поговорить надо о многом.

Абу Закария обернулся и кивком головы приказал Мусе ждать снаружи, велел не беспокоить их ни при каких обстоятельствах. Тот немедленно вышел, глазами улыбнувшись своему дяде, к которому испытывал глубочайшее уважение и возвращению которого был очень рад. Дверь за солдатом закрылась, и Абу Закария опустился в глубокое кресло у стены, подальше от небольшого зарешеченного окна. Помолчав несколько минут, он наконец заговорил

– На все воля Аллаха, – железный лидер террора выглядел старше на десять лет, чем пять минут назад, перед Абу Омаром сидел уставший старик с тяжелым взглядом, – сын мой, ты единственный, кому я могу доверять в этом сумасшедшем мире, кроме Всевышнего. Я ждал твоего возвращения... Только ты с помощью Аллаха можешь вызволить нас из ситуации, в которую нас загнали эти дети шайтана...

Абу Закария замолчал, лицо его исказила гримаса злобы, огромные кулаки сжались, на лбу выступила испарина.

– Скажите, что нужно делать, прикажите, и я сделаю все, что нужно, я пойду на смерть ради вас, Аллах свидетель, – Абу Омар, никогда не видевший своего босса в таком ужасном состоянии, был не на шутку встревожен, – в какую ловушку бы они нас не пытались загнать, им нас не победить, Учитель..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.